

ТАТЬЯНА ПРОХОРОВА

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
им. Льва Толстого
Кафедра русской и зарубежной литературы
420021 Казань
ул. Татарстана, д. 2
ifmk@kpfu.ru

**«ВСТРЕЧИ» С Л. Н. ТОЛСТЫМ В *ТЕМНЫХ АЛЛЕЯХ*
И. А. БУНИНА****‘ENCOUNTERS’ WITH LEO TOLSTOY IN IVAN
BUNIN’S *DARK ALLEYS***

В статье выявляются различные формы диалогических связей с Л. Н. Толстым в бунинском цикле *Темные аллеи*. Основным материалом исследования являются рассказы: *Чистый понедельник*, *Натали*, *Баллада*, *Ворон*, содержащие как биографические аллюзии, так и межтекстовые связи с прозой Л. Н. Толстого. Автор исследует функционирование характерных толстовских мотивов, выявляет реминисценции, различные виды цитат, «диалогические ситуации», отсылающие к роману-эпопее *Война и мир* и к позднему творчеству Толстого. Установлено, что толстовский «текст» выполняет в бунинских рассказах характерологическую, сюжетообразующую, композиционную функции, способствующие прояснению авторской идеи.

Ключевые слова: И. А. Бунин, Л. Н. Толстой, диалог, межтекстовые связи, аллюзии.

The article identifies various forms of dialogical relations with L. N. Tolstoy in Bunin’s cycle *Dark Alleys*. The analysis is based on the stories: “Clean Monday”, “Nathalie”, “Ballad” and “The Raven”, which contain biographical allusions as well as display intertextual connections with Tolstoy’s prose writings. The author of the article explores the functioning of Tolstoy’s characteristic motifs, reveals reminiscences, various types of quotes and “dialogic situations” which refer to the epic novel “War and Peace” and Tolstoy’s later works. It is established that Tolstoy’s text performs in Bunin’s short stories plot-forming functions and serves clarifying the author’s ideas.

Keywords: Ivan Bunin, Leo Tolstoy, dialogue, intertextual connections, allusions.

Тема «И. А. Бунин и Л. Н. Толстой» не раз привлекала к себе внимание исследователей. В основном она разрабатывалась в сравнительно-сопоставительном плане и в аспекте традиций. С точки зрения интертекстуальных связей проза Бунина пока мало изучена. Известно, что он через всю жизнь пронес огромный интерес к личности, творчеству, философским и религиозным исканиям Толстого. По словам исследователя Е. Ю. Полтавец, «что бы ни читал, что бы ни узнавал о Льве Толстом Бунин, он всегда примеривал это к себе, подчеркивал сходство»¹. Итогом его размышлений об учителе стал философский трактат *Освобождение Толстого* (1937)², вслед за которым он пишет цикл рассказов *Темные аллеи* (1937–1945). Неудивительно, что в нем мы встречаем продолжение диалога с Толстым, но уже в иной форме. Рассмотрим на примере четырех рассказов из цикла *Темные аллеи* (*Чистый понедельник*, *Натали*, *Баллада*, *Ворон*), как он проявляет себя.

В своем исследовании мы исходим из идеи М. М. Бахтина о диалогическом характере познания и творческого бытия художника, всегда предполагающих встречу с другим сознанием. В своей работе *К методологии гуманитарных наук* ученый писал:

[...] Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу. [...] За этим контактом – контакт личностей, а не вещей [...]³.

Диалогический контакт «автор-автор», «текст-текст» предполагает также «включение слушателя (читателя, созерцателя) в систему (структуру) произведения»⁴.

В нашем случае Бунин, для которого воображаемый диалог с Толстым никогда не прекращался, выступает и в роли автора, и в роли читателя. Через его воспринимающее творческое сознание преломляются толстовские идеи, образы, мотивы. Именно благодаря этим «точкам контакта» «вспыхивает свет», позволяющий реальному читателю активизировать свою культурную память и тоже стать участником диалога.

Чистый понедельник Бунин считал «лучшим из всего того, что он написал» (из письма В. Н. Муромцевой-Буниной к П. Л. Вячеслову от

¹ Е. Ю. Полтавец, *Лев Толстой и Иван Бунин – «Птицы небесные» русской литературы (орнитосемантика: код и контекст)*, [Электронный ресурс] <http://www.bunin-rgali.ru/index.php?view=articles&t=art3> [28.06.2016].

² Е. Ю. Полтавец называет его «творческим, экзегетическим и религиозным манифестом самого Бунина». См.: Е. Ю. Полтавец, *Лев Толстой...*, [28.06.2016].

³ М. М. Бахтин, *К методологии гуманитарных наук*, [в:] он же, *Эстетика словесного творчества*. Москва: «Искусство» 1986, с. 384.

⁴ Там же, с. 388.

19.09.1960)⁵. Выскажем предположение, что эта оценка связана не только с художественным мастерством писателя, но и с тем, как в этом рассказе бунинское сознание «оценивает» толстовское.

Душа героини *Чистого понедельника* находится в поиске праведного пути. Литературовед Олег Лекманов, основываясь на анализе ее речевой манеры и проследивая духовную эволюцию, изменение образа жизни героини – от материально-потребительского до аскетичного, приходит к выводу: «Бунин едва ли не сознательно изобразил воплощение толстовской души в новой человеческой оболочке»⁶.

Писатель, разумеется, не случайно обращает внимание читателя на то, что в кабинете героини висит картина И. Е. Репина *Лев Николаевич Толстой босой*, отражающая тот этап его жизни, когда он сознательно стремился к «опрощению», к отказу от всего суетного. Репин изобразил Толстого в состоянии сосредоточенного размышления, погружения в себя. Это шаг на пути к тому «освобождению», о котором писал Бунин в своей книге, посвященной великому классику.

Героиня *Чистого понедельника* изображается в тот период, когда она стремится понять смысл существования и подспудно готовится к совершению выбора своей дальнейшей судьбы. На это указывает и заглавие произведения. Приведем очень точное, на наш взгляд, объяснение, которое дают О. Лекманов и М. Дзюбенко в своем комментарии к рассказу:

Почему Б. назвал свой рассказ так, хотя действие лишь небольшой, пусть и важной его части приходится на чистый понедельник? Вероятно, потому, что именно этим днем отмечен крутой перелом от масленичного веселья к суровому стоицизму поста [...]⁷.

Ситуация перелома определяет и художественную структуру рассказа. Он строится на контрасте суетного, мирского и духовного, что проявляется в логике сюжета, в соотношении образов героев, в повествовательной стратегии. Цитирование героиней слов Платона Каратаева об относительности понимания счастья, ее порою сходное с буддистским погружение в себя, сочетающееся с внешней немотивированностью поступков, внезапностью ухода в монастырь, – все это созвучно тому, как в книге *Освобождение Толстого* представлена ситуация, предшествующая уходу (бегству) писателя из дома. Логика поведения бунинской героини тоже

⁵ И. А. Бунин, *Полное собрание сочинений: в 16-ти тт.*, Москва: «Воскресенье» 2006, т. X, с. 395.

⁶ О. Лекманов, «Зачем (-то)?: Лев Толстой в «Чистом понедельнике» Бунина», «Литература» 2005, № 23, [Электронный ресурс] <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200502316> [29.06.2016].

⁷ О. Лекманов, М. Дзюбенко, *Из опыта пристального чтения русской прозы: «Чистый понедельник» И. А. Бунина*, [Электронный ресурс] <http://www.ruthenia.ru/document/551883.html> [29.06.2016].

подчинена стремлению к обретению внутренней свободы, к спасению от всего, что мешает этому.

Чистый понедельник выделяется на фоне других произведений цикла *Темные аллеи* уже тем, что здесь проявляется диалогическая связь с духовными исканиями Толстого. Цитата из *Войны и мира*, упоминание о толстовском портрете побуждают читателя к поиску скрытых биографических аллюзий.

В большинстве рассказов цикла этот диалог проявляется в основном в виде межтекстовых связей с толстовской прозой. Они обнаруживают себя на разных уровнях художественной структуры. Так, в рассказе *Натали* сразу обращают на себя внимание имена двух героинь (Натали и Соня), которые воспринимаются как «точечные цитаты», отсылающие к роману *Война и мир*. Разумеется, бунинская Соня не похожа на рассудительную, послушную героиню Толстого, а Натали не повторяет Наташу Ростову. Но принцип контрастного соотношения героинь, позволяющий показать различие характеров и темперамента двух подруг, подталкивает читателя к поиску соответствий, к обнаружению толстовского подтекста.

Определенное аллюзивное сходство проявляется и в отношениях героев: любовный треугольник в рассказе *Натали* побуждает вспомнить о том выборе между Соней и Марьей Болконской, который должен был совершить Николай Ростов. Опять-таки, у Бунина совсем другая история, но, благодаря контексту, мотив любви к двум девушкам, каждая из которых по-своему притягательна для героя, все же позволяет уловить и здесь толстовское «эхо». К тому же в чертах характера Натали – в ее отрешенности, погруженности в себя, молчаливой сдержанности проступают черты Марьи Болконской.

«Следы» присутствия толстовского текста в рассказах Бунина обнаруживают себя и при обозначении места действия. Так, Крутые горы (*Баллада*) побуждают вспомнить об имении Болконских – Лысых горах. В работе литературоведа Андрея Ранчина, посвященной символике в романе-эпопее Л. Н. Толстого, справедливо замечено, что смысл названия «Лысые Горы» неоднозначен, оно «ассоциируется с бесплодностью (лысые) и с возвышением в гордости (горы, высокое место)»⁸. Если применить данное толкование к рассказу И. А. Бунина, то можно обнаружить новые толстовские «пласты». По форме *Баллада* представляет собой рассказ в рассказе. От лица набожной крестьянки Машеньки рассказывается страшная история (баллада), в которой контрастно соотнесены добро и зло, нравственное бесплодие и духовное возвышение. Князь, чьим пороком был блуд, во время погони за своим сыном и его возлюбленной был побежден волком. Это животное на языке символов олицетворяет не только зло, жестокость, коварство, но и храбрость, победу. «При определенных обстоятельствах волк мог стать

⁸ А. Ранчин, *Символика в «Войне и мире»*. Из опыта комментария, «Литература» 2005, № 17, [Электронный ресурс] <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200501707> [30.06.2016].

могучим защитником беспомощных созданий»⁹. В бунинском рассказе справедливость восторжествовала именно благодаря вмешательству сил природы. Этот эпизод является переломным. В сюжете *Баллады* реализуется актуальная для позднего творчества Толстого (*Отец Сергей, Крейцеровва соната, Воскресение*) тема раскаявшегося грешника. Князь «успел перед смертью покаяться и причастие принять, а в последний свой миг приказал написать того волка в церкви над своей могилой: в назидание, стало быть, всему потомству княжескому»¹⁰.

В более раннем рассказе Бунина *Слепой* (1924) выражена мысль, чрезвычайно близкая позднему Толстому:

Все мы в сущности своей добры. Я иду, дышу, вижу, чувствую, – я несу в себе жизнь, ее полноту и радость. Что это значит? Это значит, что я воспринимаю, приемлю всё, что окружает меня, что оно мило, приятно, родственно мне, вызывает во мне любовь. Так что жизнь есть, несомненно, любовь, доброта, и уменьшение любви, доброты есть всегда уменьшение жизни, есть уже смерть [...]»¹¹.

В *Балладе* показано, как «уменьшение любви, доброты» вначале приводит князя к смерти духовной, но в результате раскаяния, совершенного перед смертью, «жизнь» в высшем смысле этого слова все же побеждает.

Толстовский мотив живого и мертвенного наиболее многообразно выражен в рассказе И. А. Бунина *Ворон*. Как и во многих других произведениях цикла *Темные аллеи*, повествование здесь ведется от первого лица, причем оно строится на взаимодействии двух точек зрения: подростка и взрослого человека, который воспринимает события сквозь призму времени и обретенного жизненного опыта.

Это проявляется с самого начала, в характеристике отца героя-повествователя:

Отец мой похож был на ворона. Мне пришло это в голову, когда я был еще мальчиком: увидел однажды в «Ниве» картинку, какую-то скалу и на ней Наполеона с его белым брюшком и лосинами, в черных коротких сапожках, и вдруг засмеялся от радости, вспомнив картинку в *Полярных путешествиях* Богданова, так похож показался мне Наполеон на пингвина, – а потом грустно подумал: а папа похож на ворона...¹².

В приведенной цитате возникает цепочка образов, связанных друг с другом по закону ассоциаций: Наполеон-пингвин-папа-ворон.

⁹ [Электронный ресурс] <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/vulf/> [30.06.2016].

¹⁰ И. А. Бунин, *Темные аллеи*, [в:] он же, *Собрание сочинений: в 4-х тт.*, Москва: «Правда» 1988, т. 4, с. 19.

¹¹ И. А. Бунин, *Слепой*, [Электронный ресурс] http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2160.shtml [30.06.2016].

¹² И. А. Бунин, *Темные аллеи...*, с. 180.

Как известно, в литературе XIX века тема Наполеона являлась сквозной. Констатируя это, Игорь Волгин и Михаил Наринский в своей статье *Развенчанная тень* пишут:

Наполеон навеки запечатлен в русской исторической памяти. И – что не менее важно – в русском художественном сознании. Его личность, образ его действий, его идея – всё это стало предметом искусства. Ни один из отечественных классиков не обошел этой темы [...] ¹³.

С Наполеоном связан не только образ гения, деспота или страдальца, наполеонизм представляет определенный тип сознания, предполагающий особое отношение к человеку. Его суть точно выразил А. С. Пушкин в знаменитых строчках из *Евгения Онегина*: «Мы все глядим в Наполеоны; / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно...».

Толстой, разоблачая идею наполеонизма, демифологизировал образ Наполеона. В романе *Война и мир* его портрет полон сатирических, а порою и карикатурных черт: «круглый живот», «жирные ляжки коротких ног», «дрожит икра левой ноги» и т.п.

В рассказе Бунина *Ворон* упоминание героем-повествователем имени Наполеона можно воспринять как своеобразную «точечную» отсылку к толстовскому роману-эпопее. Такой вывод напрашивается благодаря комической параллели «Наполеон-пингвин». В данном случае Бунин заимствует не только толстовский принцип окарικатуривания, «умаления» фигуры Наполеона, но и прием остранения, выражающий особое видение, основанное на контрасте «детского» и «взрослого» взглядов.

Толстовская аллюзия, возникающая в самом начале произведения, дает толчок развитию ключевых мотивов, определяет направленность развития сюжета, организацию системы образов. С Наполеоном в рассказ входит мотив власти, жестокой подавляющей силы. В *Вороне* он становится сюжетообразующим, определяет судьбы всех главных героев.

Этот мотив усиливает параллель «папа-ворон»:

Отец занимал в нашем губернском городе очень видный служебный пост, и это еще более испортило его; думаю, что даже в том чиновном обществе, к которому принадлежал он, не было человека более тяжелого, более угрюмого, молчаливого, холодно-жестокое в медлительных словах и поступках. Невысокий, плотный, немного сутулый, грубо-черноволосяый, темный, с длинным бритым лицом, большеносый, был он и впрямь совершенный ворон – особенно когда бывал в черном фраке [...] ¹⁴.

¹³ И. Волгин, М. Наринский, *Развенчанная тень. Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе*, «История» 2001, № 17, [Электронный ресурс] <http://ec-dejavu.ru/n/Napoleon.html> [30.06.2016].

¹⁴ И. А. Бунин, *Темные аллеи...*, с. 180.

Согласно словарю символов, ворон – олицетворение смерти, греха:

В Библии ворон – нечистая птица [...] ворон становится олицетворением сил ада, в противовес голубю [...]. Ворона часто идентифицировали с Сатаной, что объясняется специфической окраской [...]. Появление ворона воспринималось как предвестие неудачи [...]¹⁵.

Так заданные с самого начала ассоциативные параллели «папа-ворон», «папа-Наполеон» привносят целый комплекс символических мотивов. Это история о ревности отца к сыну, о гибели первого чувства любви. Если применить толстовский принцип деления героев на «живых» и «мертвенных», то похожий на ворона отец, безусловно, принадлежит к числу последних. Соответственно и все произведение Бунина можно воспринять, как противостояние живого и мертвенного. С ним связаны и другие толстовские мотивы.

Как и в романе-эпопее Толстого, в системе образов бунинского рассказа отчетливо выделяются те, с кем связаны мотив «мира», а значит, единения, связи, взаимопонимания, и «войны», предполагающей разобщенность, вражду, эгоистический расчет и т.п. Отец, «тяжелый, угрюмый, молчаливый, холодно-жестокий» и его восьмилетняя дочь Лиля, «черноглазая, тоже молчаливая, но резкая не только в каждом своем движении, но даже и в молчаливости, будто постоянно ждавшей чего-то и все как-то вызывающе вертевшей своей черной головкой»¹⁶, принадлежат к «мертвенным» героям, с которыми связана семантика «войны», холода, разобщенности. Примечательно, что даже эпизодический персонаж – Лилина няня представлена как «длинная, плоская старуха, похожая на средневековую деревянную статую святой»¹⁷. Атмосферу мертвенности и холода подчеркивает и интерьер дома, где происходит действие: «[...] холодно, пусто блистала своими огромными, зеркально-чистыми комнатами [...] просторная казенная квартира во втором этаже одного из казенных домов»¹⁸.

В этом холодном жилище нет места любви. Отец даже к детям относится без теплоты и внимания. Нет любви и между братом и сестрой.

Жизнь вторгается в эту казенную квартиру вместе с появлением новой няни – «бедной девушки, дочери одного из мелких подчиненных отца». Когда герой-рассказчик после окончания лицея приехал домой, он «просто поражен был: точно солнце засияло вдруг в [...] прежде столь мертвой квартире»¹⁹. Девушка названа рассказчиком «юной», «легконогой». Эта характеристика воспринимается как аллюзивная отсылка к толстовской Наташе

¹⁵ [Электронный ресурс] <http://sigils.ru/symbols/voron.html> [30.06.2016].

¹⁶ И. А. Бунин, *Темные аллеи...*, с. 181.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Ростовой, с присущей ей стремительностью, живой энергией, которой она наполняла все вокруг.

Противопоставление мертвенного и живого подчеркивается в этом рассказе и с помощью цветовой гаммы: если за «мертвыми» закреплен черный цвет, то за «живыми» – белый: «белокурая девушка в легкой белой блузке»²⁰.

У Бунина, как и у Толстого, «мертвые» герои не живут, а лишь изображают жизнь и общение. Так, описание благотворительного вечера губернаторши в рассказе *Ворон* очень напоминает искусственное общение в салоне Анны Павловны Шерер, где говорились лишь общеизвестные, стандартные вещи, а любое отклонение от общепринятого встречалось с ужасом. На этом вечере губернаторши во всем ощущается грубая игра, здесь все фальшиво: «киоск в виде русской избушки», «боярыня, которая с чарующей улыбкой подавала из киоска плоские фужеры желтого дешевого шампанского крупной рукой в бриллиантах»; «рослая дама в парче и кокошнике, с носом настолько розово-белым от пудры, что он казался искусственным»²¹.

Столь же искусственным, напоминающим дурной театр, было и поведение отца во время семейных обедов. Правда, с появлением новой Лилиной няни отец, по словам рассказчика, «неузнаваем стал»: «[...] то и дело что-нибудь говорил, – медлительно, но говорил, – обращаясь, конечно, только к ней, церемонно называя ее по имени-отчеству – “Елена Николаевна” – даже пытался шутить, усмехаться»²². И одновременно он все «холоднее косился» в сторону сына.

Примечательно, что Лиля с появлением новой няни стала еще более капризной, как будто делая все возможное, чтобы не дать молодым людям быть вместе.

Этой разобщенности контрастно противопоставлен «радостный страх [...] общего счастья быть возле друг друга», который испытывали рассказчик и «Елена Николаевна»²³.

«Живые» герои нуждаются в общении. Своеобразным символом обретенной связи в рассказе Бунина, как и в толстовском романе-эпопее, становится «окно». Вспомним эпизод, когда ночью в Отрадном князь Андрей, накануне убедивший себя, что его жизнь уже окончена, случайно слышит у окна монолог Наташи. Она как будто заражает его своим восхищением природой, волшебством лунной ночи. И под влиянием ее неиссякаемой энергии Болконский вновь возвращается к жизни. В нем просыпается желание любить, быть нужным людям. В рассказе Бунина «окно» также является неким символом пробуждения чувства любви, единения, мира. Не случайно именно у окна юные герои впервые стояли «рядом, близко друг к другу». Это единение допол-

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же, с. 182.

няется ощущением свежести, которой пахло из окна. И именно здесь происходит первый в жизни героев поцелуй. С тех пор не проходило дня без их хотя бы мимолетных встреч. Характерно, что одновременно исчезает страх перед отцом, на которого влюбленные «уже не обращали внимания».

Кульминацией рассказа является объяснение в кабинете отца. Герой не успел ответить на слова возлюбленной: «Скажи же наконец ему, что ты любишь меня, что все равно ничто в мире не разлучит нас»²⁴. Невольным свидетелем этой сцены становится отец, который сделал все возможное, чтобы разлучить любящих.

Как известно, во всех рассказах бунинского цикла героям дано обрести счастье лишь на миг. Тем не менее, это «чудное мгновение» они зачастую пронесут через всю жизнь. Любовь, по мысли Бунина, – это едва ли не единственное, что можно противопоставить смерти, уничтожению. В рассказе *Ворон* это чувство сохраняет только герой-рассказчик. Что же касается Елены Николаевны, то ее сюжетная линия в дальнейшем развивается по модели, прочерченной Чеховым в *Анне на шее*. Но чеховский подтекст в рассказах Бунина – это уже тема другого исследования.

Итак, следует признать, что многие рассказы цикла *Темные аллеи* создавались, так сказать, с учетом толстовского «присутствия». Формы этого диалога у Бунина многообразны: толстовские мотивы, аллюзии, прямые и косвенные цитаты, создающие «диалогические ситуации». Они выполняют в бунинских рассказах характерологические, сюжетообразующие, композиционные функции, способствуют выявлению многозначности их проблематики.

References

- Bakhtin, Mikhail M. *K metodologii gumanitarnykh nauk*. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moskva: „Iskusstvo”, 1986: 384.
- Bunin, Ivan A. *Temnye allei*. In: *Sobranie sochineniy v 4-kh tt*. Vol. 4. Moskva: „Pravda”, 1988: 5–225.
- Bunin, Ivan A. *Slepoy*. http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2160.shtml.
- Lekmanov, Oleg. „Zachem (-to)”? *Lev Tolstoy v „Chistom ponedel'nike” Bunina*. <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200502316>.
- Lekmanov, Oleg, Dzyubenko, Mikhail. *Iz opyta prital'nogo chteniya russkoy prozy: “Chisty ponedel'nik” I. A. Bunina*. <http://www.ruthenia.ru/document/551883.html>.
- Poltavets, Yelena Yu. *Lev Tolstoy i Ivan Bunin – “Ptitsy nebesnye” russkoy literatury (ornitosemanti-ka: kod i kontekst)*. URL: <http://www.bunin-rgali.ru/index.php?view=articles&t=art3>.
- Ranchin, Andrey. “Simvolika v «Voynе i mire». Iz opyta kommentariya”. *Literatura*, № 17 (2005). <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200501707>.
- Slovar' simvolov i znakov*. <http://sigils.ru/symbols/voron.html>.
- Simvoli*. <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/vulf/>.
- Volgin, Igor, Narinskiy, Mikhail. *Razvenchannaya ten'. Dialog o Dostoyevskom, Napoleone i napoleonovskom mife*. <http://ec-dejavu.ru/n/Napoleon.html>.

²⁴ Там же, с. 184.